

Выходить у Львові по два (крімъ хедъль и гр. кат. святи) о 5-ой годнѣ по полудни.

Адміністрація и Экспедиція подъ ч. 8 Галиція Чарнецкого.

Редакція ул. Францискавска ч. 10, дверь 10.

Пишет и принимаютъ ся лишь франкованъ.

Рекламація неоплатанъ и бльнѣи подъ порта. Рукописи не возвращаются.

НАРОДНА ЧАСОПИСЬ

Додатокъ до „Газеты Львовской“.

Предплати у Львовѣ въ Администраціи „Газеты Львовской“ и въ п. к. Строствахъ на провинціи на цѣлый рокъ 2 вр. 40 к. на повъ року . 1 вр. 20 к. на четверть року . . 60 к. мѣсячно . . . 20 к. Поодинокое число 1 кр.

Зъ почтовою пересылкою: на цѣлый рокъ 5 вр. 40 к. на повъ року . 2 вр. 70 к. на четверть року 1 вр. 35 к. мѣсячно . . . 45 к. Поодинокое число 3 кр.

Ще про послѣдній подѣвъ въ Константинополѣ.

Мы стоимъ при томъ, что вже давнѣйше сказали про справу дарданельскую и змѣну кабинету въ Константинополѣ, тымъ больше, что теперь множать ся голоса, котры доказуютъ, что обѣ ей справы не мають великого значѣня политического и межинародного. Уже вчера назначили мы коротенько водъзвѣвъ Fremdenblatt-у, котрый заперезивъ вѣсть, доказуючю, что въ наслѣдокъ уступки, зробленой Туреччиною для переѣзду кораблѣвъ російскихъ черезъ Дарданель, Австро-Угорщина зажала формального прилученя оккупованныхъ краевъ до монархїи. После згаданой газеты, вѣсть та есть зовѣмъ безосновна, бо у Відни не думае нѣхто тыкати теперь боу савьско-герцеговиньскои справы. Такъ само наспѣла була вчера и зъ Константинополя вѣсть, что змѣна тамошного кабинету не есть ані наслѣдкомъ справы дарданельской, ані взагалѣ не стоить въ звязи зъ заграничною политикою. Приватны вѣсти кажутъ чимъ разъ больше догадувати ся, что змѣна та есть наслѣдкомъ, якихъ интригъ дворскихъ. Всежь таки для дѣлшго повоеня обохъ сихъ послѣднихъ подѣвъ въ Константинополѣ, котры заняли теперь все умы въ Европѣ и стались найважнѣйшимъ предметомъ дня, наводимо тутъ деякы корреспонденции, котры ти подѣвъ въ дечомъ докладнѣйше характеризуютъ.

О сихъ подѣвахъ пишуць зъ Берлина до Pol. Corr. такъ: „Въ численныхъ комментаряхъ,

якы вяжутъ ся до справы дарданельской, видко змагане представити ей, о скѣлько можна, невинною. Головне мѣсце въ томъ займала вѣсть Константинопольской агентии, котра мала на цѣль закрыти поступоване Порты, чтобы другы державы не выступали водтакъ зъ рекламаціями. Въ тутешныхъ добре poinformованныхъ кругахъ не мають близшихъ вѣстей о фактичныхъ подставахъ сей справы. При тыхъ засадахъ, якихъ въ Берлинѣ придерживуюць ся взагалѣ въ справахъ вѣднскихъ, не буде певно нѣхто разбирати глубше подробности и правного пытаня сей справы. Нѣмеччина не интересована тутъ безпосередно. На всякы случай не приписуюць ей справѣ ширшого значѣня. Всежь таки треба признати, что способъ, въ якы ей справу порушено, есть дечить важною ознакою, котра прибирае ще большою ваги черезъ рѣвночасну змѣну кабинету.

Що до дотеперѣшного великого везира Киямила, то треба признати, что вѣднъ бувъ безъ сумнѣву мужъ великихъ здѣлоустей политичныхъ и непорочного характера, котры умѣвъ дуже зручно погодити интересы Туреччины зъ оправданными жаданьями державъ Турецкихъ прихильныхъ. Впрочемъ въ Берлинѣ не кладуть великой ваги на то, кого султаны выбираютъ собы на своего дорадника.

Подобно якъ розпоряджене султана въ справѣ змѣны кабинету обжеас ся лишь на то, чтобы яко причину той змѣны подати конечность, такъ можна то запримѣтити и въ пракѣ, что она приписуе змѣнѣ кабинету о скѣлько можна невинно значѣне и водмавляе ей яконѣ политической подставы. Але въ котрого боку и не подвигнетъ бы на обѣ ти

справы, то все таки — и въ томъ лежитъ якъ разъ головный интересъ — насуваеь то спосережене, что ознаки енергичнѣйшого выступованя Россїи на Выходѣ збольшають ся. Представивши безъ упередженя на становищѣ Россїи, то може то ледви показатисъ неоправданнымъ, что тамъ ту хвилю, въ котрой Россїя есть зовѣмъ певна французской симпатии, выкористуюць на то, чтобы выступати смѣлнѣе зъ давнѣыми и довго приготавливавшимися жаданьями на Выходѣ, тымъ больше, что коли сврва дарданельская при нагодѣ задержала корабля „Кострома“ першый разъ выринула, дубльчиче мнѣне въ Англіи пришло ей спокѣино.

До той самой газеты доносять зъ Константинополя про змѣну тамошного кабинету такъ: „Въ чомъ лежала та „конечность“, про яку згадуе розпоряджене султана, чтобы уступити Киямила вану, на то нема доси нѣякого поясненя; ходять лишь о томъ вѣлякы поголоски. Одны кажутъ, что димісія Киямила есть безпосереднымъ наслѣдкомъ водмовы лорда Сальбергера въ египетскѣи справѣ, бо султаны, котрыи зъ власной инициативы казавъ Рустье-мови-пашѣ вхати зъ Кіеигенъ до Лондону, чувъ ся сею водмовою дѣткенымъ.“

Та поголоска може и правдива, але пытане, чи самъ сей фактъ бувъ мѣродайнымъ для уступеня Киямила. Фактомъ есть, что водъ довшого часу вѣли ся вѣлякы интриги, чтобы Киямили-пашѣ подложити ногу, и даятого рѣчь возможна, что интриганы скористали зъ заигрываня султана и осягнули свою цѣль. Внадае однакы то въ очи, что рѣвночасно зъ великимъ везиромъ, що не есть въ звычайо, дѣставъ димісію такожъ и шейкъ-уль-исламъ. То вказуе на то, что причины змѣны кабинету

Чародѣйный кафтанъ.

(Дальше.)

VI.

Пинтей поуоставлявъ на рынку понабиваный моздѣръ; денѣде повывѣшувано транспаренты зъ написами: „Витайте!“ „Вивать!“ и т. п. Славный бесѣдникъ Павло Фекете бубнивъ якъ разъ бесѣду, котра зачиналася водъ словъ: „Хтожь не знае покликну мудрого и поважаня достойного Сепеки?“ (Розумте ся, що все его знали, бо панъ Павло Фекете послугувавъ ся заедно лишь приповѣдкамы сего вельми поважаного и мудрого чоловѣка).

Цигане Бириса мастили вже смычки калафонїю. словомъ роблено великы приготовленя, и будибы вже може стали дзвонити у все дзвоны, колибъ панъ Пороенкой, веденый здоровымъ разумомъ, не бувъ ще коло Чегледу казавъ моторному чикомеви Павлови сѣсти на коня и не поручивъ ему сказати дома, чтобы не робили нѣякой комедии, бо нема нѣякой причины веселити ся.

Побеланецъ выкликавъ велике невдоволене; люде выглядали подъ вечеръ гнѣвливо зъ вѣконцъ та зъ поза плотовъ, якъ вѣздили радны до мѣста, и лишь тихцемъ кляли. Нѣхто ані разу не кликнувъ „Сьлень!“ лишь

пелы бѣгли за возами та дуже уѣдали. Але то было такъ и дѣйше, бо по що ще передъ цѣльмъ свѣтомъ признаватисъ до ганьбы, коли она и безъ того велика!..

Ще того самого вечера побышла якъ огнемъ чутка про то, що стало ся въ Будѣ, цѣле мѣсто довѣдалось якогъ „бобу“ наварили Керешцъ Кечкеметови, чи пакъ Кечкеметцѣ собы самымъ и якъ имъ султаны за многы цѣвны подарунки и скарбы кинувъ якыи кафтанъ.

Встыдъ и ганьба!

А они не мали ще на стѣлько встыду, та привезли той кафтанъ до дому? На другый день збышлое було множество людеи передъ ратушемъ; поважнѣйшии горожане побыли таки на гору до салѣ, чтобы тамъ урядово почути, що они привезли зъ дороги. Такой, бачите, бувъ вже звычай по кождомъ большомъ посылствѣ.

Простый народъ, жѣнки та хлопчиска, робили на дворѣ галабурду, выкрикували та выспѣвували всякими можливыми голосами спѣванку, котру якъ разъ зложивъ бувъ народъ на поемѣховиско:

Кечкемете весели ся,
Кафтанъ тобѣ воцари ся!

Якъ разъ вхало колька фѣръ зъ Великого Кереша и они ще больше разъярили Кечкеметцѣвъ. Затаивши конѣ стали Керешцѣ глумитисъ зъ нихъ та пытали:

— А чи теплый хочъ той кафтанъ?

Але бо таки на правду стало раднымъ ажъ душно водъ него. Понуривши головы сидѣли они на своихъ крѣслахъ. Дечотры зъ нихъ, якъ примѣромъ панъ Инокай, були таки дуже полякли та стратили зовѣмъ водвагу, лишь на одномъ лицѣ старшого начальника видко ще было водвагу и упѣръ.

Пороенкой змалювавъ подѣвъ подорожи въ хорошо уложенѣи бесѣдѣ, розпочинаючи водъ Бога, котрого, видко, така воля, що насылас на Кечкеметцѣвъ вѣлякы нещастя. Они робили все въ доброй вѣрѣ (Богъ свѣдкомъ на то!) и они тому не виноваты, что ихъ плантъ не удавъ ся.

Що правда, то правда, выдатки были великы, але они думали собы: Кто водважить ся, той зыскае!

Зразу слухали все спокѣино, и хороша бесѣда была бы може магистратъ уратувала, колибъ тогды, коли Пороенкой ставъ розповѣдати все подробно и сказавъ: „Мы отже явили ся въ середу передъ Его Величествомъ турецкымъ цѣсаремъ, котрыи сидѣвъ въ цѣсарскѣи плаци на престолѣ“, — колибъ тогды, якъ сказано, не бувъ крикнувъ Карпо Пермете: „А люльки не мавъ вѣднъ въ зубахъ?“

Пустынъ смѣхъ взявъ всехъ и водъ сей поры не було спокою, заедно хтось перебивавъ якимъ глумливыми замѣтками. Повага стала упадати, и ледви що перша искра внала въ солому, а она вже таки и запалахкотѣла.

— Кинули-сте такой красный грѣшь чортви въ зубы! Казали-сте шити дѣвчатамъ

